

Глава 64. С тобой не страшно

Жареная рыба всё ещё оставалась тёплой, будто её завернули сразу же после того, как сняли с огня.

Обычно в жемчужине Нахай бывает тридцать шесть ячеек пространства. Чем выше ранг, тем больше ячеек, и каждая из них тоже становится просторнее. Если хозяин жемчужины при хранении подпитывает одну из ячеек духовной энергией, то еда в ней может долго сохранять свежесть: какой её положили, такой и достанут.

Цзян Тан тут же прикрыл рыбу собой.

— Спрятать, — тихо сказал он. — Я хочу, есть, один.

Если уж кто и не упустит случая отнять его еду, так это Е Чжэнвэнь.

Отвлёкшись на две жареные рыбины, Цзян Тан мгновенно забыл, что только что собирался сказать. Он сжимал в руке вытянутую гадальную палочку и снова и снова перечитывал надпись.

«В гармонии цитра и сэ, и нет в этом ничего, кроме тихого счастья».

Какая же хорошая палочка.

Старый даос всё ещё без конца что-то бормотал, повторяя, что это невозможно и почему вдруг так.

Цзян Тан пропускал его слова мимо ушей.

— Да хватит уже бубнить! — Е Чжэнвэнь сроду не верил ни в богов, ни в Будду, а уж тем более в старого даоса, пристроившегося мошенничать прямо в храме. Но раз уж гадание состоялось, он не хотел оставаться в долгу. Пошарив за пазухой, он достал кусок серебра и бросил на стол старика. — На, не говорите потом, что мы воспользовались вами даром. Вы погадали двоим, двадцати ляней серебра хватит, верно?

Бормочущий старый даос чуть поднял глаза.

Проворно схватив серебро в руку, он вздохнул:

— Чего нет в судьбе, того силой не выпросишь...

Е Чжэнвэнь закатил глаза и уже потянулся отобрать серебро обратно:

— Какое ещё «не выпросишь»? Вам деньги нужны или нет?

Старый даос ловко спрятал серебро за пазуху.

— Раз уж дал, зачем же теперь назад забирать?

Он, похоже, нисколько не стыдился собственной жадности и с тем же видом уличного прорицателя продолжил качать головой:

— Что до этой барышни, тут мне и правда нечего сказать. Любовная судьба у неё прекрасная, очень прекрасная. Важно только самой отпустить прошлое и посмотреть на кого-нибудь ещё...

Тут его взгляд переместился на Цзян Тана и на Фу Линцзюня, который до этого в открытую угрожал ему кинжалом.

Годы у него были уже совсем преклонные, волосы и борода давно побелели, но глаза оставались живыми и удивительно зоркими. Несколько раз переведя взгляд с одного на другого, он цокнул языком, будто увидел что-то крайне редкое.

— «В гармонии цитра и сэ, и нет в этом ничего, кроме тихого счастья»... — повторил он слова со второй палочки Цзян Тана, а потом вдруг усмехнулся. — Хорошо. Хорошо.

Он запустил руку в цилиндр с палочками, долго пощуровал там и вытащил одну, которую протянул Цзян Тану:

— Держи.

Тот не очень понимал, что происходит, но всё же протянул обе руки и принял палочку.

На ней не было написано ни слова, только красивый узор, выведенный красной киноварью.

— Это, что? — спросил Цзян Тан.

— Подарок тебе, — с нарочито развязной ухмылкой ответил старый даос. — Хочешь — бери, хочешь — нет. Всё равно я подаренного назад не забираю.

Цзян Тан посмотрел на пустую палочку, потом на ту, где была записана хорошая строка, и, сложив обе вместе, зажал их в руке:

— Обе, беру.

— ... — старый даос на миг и правда лишился дара речи.

Он скривил губы, с заметной опаской покосился на Фу Линцзюня и махнул рукой:

— Идите уже, идите.

То есть попросту гнал их прочь.

Как раз в этот момент к столу старика подошла богато одетая женщина, поддерживаемая служанкой, и мягко спросила о гадании. Так что Цзян Тан с остальными просто ушли.

По дороге он всё смотрел на две палочки в своей руке и в прекрасном настроении убрал их к себе.

— Разве это всё не ерунда? — недоумевал Е Чжэнвэнь. — Молодой господин Цзян, зачем вы их оставили?

Цзян Тан, твёрдо веривший в материализм, после настолько хорошей палочки всё-таки слегка стал суеверным.

Но он же не мог прямо при всех сказать, что гадал на любовь, да ещё и любовь с мужчиной. Потому лишь застенчиво улыбнулся:

— Красивые. Нравятся.

Е Чжэнвэнь совершенно не понял, что тут можно ценить, потёр глаза и снова пошёл искать призрачные следы.

Цзян Тан же вместе с Фу Линцзюнем продолжил неспешно осматривать храм этого мира.

В мире Цзян Тана место, где монахи собирались на утренние и вечерние службы, называлось Дасюн-баодянь. Там обычно почитали Будду Шакьямуни, слева стоял почтенный Кашьяпа, справа — почтенный Ананда. Но храм Учань был устроен иначе.

Главный зал здесь назывался Тяньжэнь-баодянь. В нём почитали не одного Будду, а больше десятка. Цзян Тан, будучи человеком из другого мира, вовсе не разбирался в местной храмовой культуре, а потому не мог сказать, как называются все эти статуи.

Огромные статуи восседали в главном зале. У одной за спиной росло множество рук, а в ладони она держала лотос. Другая сидела с огромным животом и добродушной улыбкой, перебирая чётки. Третья, совсем как небесная дева с дуньхуанской фрески, застыла в танцевальной позе...

Выглядело всё это, если честно, довольно странно.

Всё-таки Цзян Тан впервые видел, чтобы в одном главном зале сразу стояло столько статуй, да ещё таких причудливых. Визуальное впечатление было очень сильным.

В храме Учань стояла пугающая чистота. Ещё один день почти подошёл к концу, и Хуай Чэнъинь с Е Чжэнвэнем, весь день ходившие с талисманами синего глаза, уже почти готовы были сдать.

— А вам не кажется, что это просто совпадение? — от целого дня с талисманом синего глаза у Е Чжэнвэня болели не только глаза, но и натянутая до предела душа, поэтому он просто уселся на пыльный край каменного основания и потёр переносицу. — Если бы в храме Учань и правда что-то скрывали, я бы не мог этого не заметить. Не считая талисмана пурпурного глаза ступени бессмертного Дао, мой талисман синего глаза — самый лучший. Хоть какой-то призрачный след я ведь должен был увидеть, верно?

Он посмотрел на Фу Линцзюня:

— Брат Линь, а может, тут есть барьер?

Фу Линцзюнь быстро сложил печати обеими руками, и слой прозрачной духовной силы медленно разошёлся вокруг.

По пути через главный зал он ещё раньше незаметно оставил там руны, так что сейчас весь храм уже оказался накрыт ими целиком.

Никакого барьера не было.

Всё выглядело настолько обыденно, насколько только возможно.

И именно эта обыденность казалась самой неестественной.

Фу Линцзюнь медленно закрыл глаза.

Его сознание погрузилось в шум человеческих голосов и, вместе с потоками людей разного возраста, стало постепенно растекаться во все стороны.

Солнце клонилось к западу, птицы возвращались в гнёзда.

Паломники понемногу расходились, одна за другой уезжали повозки, стоявшие у ворот храма Учань. По мере того как затихал человеческий гомон, храм, днём казавшийся торжественным и умиротворённым, вдруг начал выглядеть пугающе пустынным.

Закатные лучи ложились на чёрные карнизы. С уходом солнца жёлтые стены храма покрылись золотистым светом, а перед золотыми стенами и чёрной черепицей высились два огромных дерева гинкго, будто гигантские стражи, охранявшие десятки статуй внутри.

Все эти статуи были разными.

Под действием духовных рун Фу Линцзюня они стояли неподвижно. Но стоило ему вплести в духовную силу тонкие нити мрачной энергии и стремительно развернуть её вокруг, как в его «божественном восприятии» статуи начали понемногу меняться.

У небесной девы, стоявшей в самом углу, слегка шевельнулась шёлковая накидка на руках, а затем всё её тело стало медленно и жутко поворачиваться. У статуи с лотосом за спиной одна за другой начали двигаться многочисленные руки, а глаза с хрустом перекатились в глазницах. Добродушный пузатый Будда с чётками будто ожил и негромко захихикал. И с этим смехом одна статуя за другой стали пробуждаться.

Из другого мира донёсся протяжный и древний звук сюня.

Фу Линцзюнь резко открыл глаза.

Но стоило ему снова всмотреться, как статуи уже стояли на своих местах, словно никогда и не двигались.

— Вот как... — Фу Линцзюнь слегка нахмурился.

Здесь существовала трещина. По одну её сторону был шумный и цветущий человеческий мир, по другую — мрачный и жуткий ад.

Эта трещина могла возникнуть естественным образом. Но ещё вероятнее было, что её создали намеренно.

В мире по ту сторону трещины, стоило статуям начать пробуждаться под действием мрачной энергии, как из тёмных углов медленно выползли бесчисленные тонкие призрачные тени.

Эти тени обладали плотью, но были слишком уж плоскими. Они стелились по земле, двигались пугающе быстро и были на редкость чуткими. Сознание Фу Линцзюня всего на миг коснулось того мира. Даже статуи ещё не успели заметить его присутствия, а эти длинные плоские твари уже почувствовали неладное и начали прятаться.

Звук сюня тотчас оборвался.

Стоявшие рядом ребята вдруг ощутили, как по коже скользнул странный холод.

Солнце медленно скрылось.

В тот миг, когда последний луч исчез, трещина внезапно распахнулась, превратившись в огромный разлом. Тонкие длинные тени поползли по земле с невероятной скоростью. Их приплюснутые головы и тела были уродливы до омерзения, все черты лица сгрудились на

плоской морде, а когда они раскрывали пасти, внутри виднелись неровные ряды зубов.

— А-а! — первым не повезло Е Чжэнвэню, который стоял ближе всех к разлому. Его утянуло в другой мир. Следом исчез Хуай Чэнъинь. Потом одного за другим начали затаскивать и остальных.

Только к Фу Линцзюню и Сян Сину эти тени не смели приближаться.

— Ч-что это такое! — Цзян Тан перепугался так, что сердце у него чуть не выпрыгнуло из груди. Он почти инстинктивно придвинулся к Фу Линцзюню и осторожно вцепился в край его рукава.

На чёрной ткани появилась рука, белая как снег.

Фу Линцзюнь опустил взгляд. Взгляд его, словно ласковый ветер, мягко коснулся пальцев, сжавших рукав.

В следующую секунду его ладонь накрыла эту руку.

Твари жадно смотрели на сладко пахнущего юношу, которого защищали два злых духа в человеческом облике. Из пастей у них капала слюна, и от неё тянуло тошнотворной вонью.

— Сян Син, пора работать, — Фу Линцзюнь вернул ему грубую чёрную цепь, а сам наклонился и одной рукой подхватил Цзян Тана под бёдра, подняв его на руки.

Чёрный туман начал стремительно расползаться во все стороны, и весь мир вокруг в одно мгновение изменился до неузнаваемости.

Наложенные на здоровяка печати наконец начали исчезать. Толстая чёрная цепь, словно взревевший зверь, хлестнула по отвратительным плоским теням. Там, где цепь проходила, тени рассыпались на куски.

Цепь Сян Сина была обмотана таким количеством злой энергии, что казалась страшнее самих тварей, выползших из глубин ада. Куда бы он ни шёл, тени в страхе разбежались. Но двигался он слишком быстро. Ворвавшись в разлом, он тут же бросился в погоню за теми, кто утащил ребят.

Фу Линцзюнь в тот мир не вошёл.

Чёрный туман вокруг него постепенно накрыл и реальный мир. Потом он слегка шевельнул ухом и уловил в густой дымке едва слышное дыхание.

Лишь один миг — и Фу Линцзюнь уже возник прямо перед этим человеком.

Это был живой человек, в маске и в чёрной одежде для быстрых вылазок. Он явно не ожидал, что его обнаружат. В глазах его плеснулся настоящий ужас.

Рука Фу Линцзюня метнулась, как молния, и стиснула ему горло, поднимая над землёй.

— Где тот, кто играл на сюне? — спросил он.

— Угх... хр... — человек дёргался, захлёбываясь воздухом. Сдавленное горло жгло, лёгкие начали раздражать боль. В голове у него уже мутилось, когда Фу Линцзюнь вдруг швырнул его вниз.

Тот, возвышаясь над ним, повторил:

— Где тот, кто играл на сюне?

— Кхе-кхе... кхе-кхе-кхе... — хрипло закашлявшись, человек выдавил: — Я тут не один... Думаешь, я выдам тебе, где он?

Взгляд Фу Линцзюня оставался равнодушным.

Он чуть приподнял бровь, будто ему и правда стало любопытно:

— Раз не хочешь говорить, тогда и не надо.

С этими словами он повернулся спиной, больше не глядя на лежащего.

В следующий миг темноту прорезал страшный крик. Короткий, резкий — и тут же оборвавшийся.

Только вот улизинули отсюда не один человек.

Фу Линцзюнь медленно закрыл глаза. Расползшийся вокруг чёрный туман стал его глазами. Несколько людей в масках разбежались в разные стороны, и было невозможно понять, кто из них играл на сюне. Но один из них заставил его задержать взгляд чуть дольше.

Во время бега тот словно ступал по самой пустоте. Одна нога только-только выходила из пространственной трещины, а половина тела уже возникала в нескольких чжанах впереди. По характеру техники это очень напоминало запретное искусство превращения человека в талисман.

Фу Линцзюнь чуть подтолкнул Цзян Тана выше у себя на руках и сказал:

— Держись крепче.

И тут же сорвался с места, как стрела.

— А-а! — Цзян Тан испугался и обеими руками крепко обнял его за шею и плечи. Они с немыслимой скоростью понеслись вслед за тем странным человеком в чёрном.

Но всё равно опоздали.

Когда Фу Линцзюнь с Цзян Таном на руках догнал того человека, из пещеры впереди уже тянуло густым запахом крови.

Тот держал в руке меч, и с лезвия капала кровь.

— Ха-ха-ха! — смеялся он дерзко и безумно. — Ну что, не этих ли людей ты искал? Теперь все они мертвы. Мёртвые не дают показаний. На, забирай, всех тебе дарю!

Эти люди в чёрном, похоже, вовсе не боялись смерти. Отбросив меч, он развёл руки в стороны:

— Убей меня.

Взгляд Фу Линцзюня был холоден, как лёд.

Чёрный туман медленно втекал в пещеру, где ещё недавно теплилась жизнь. В телах убитых ещё сохранялось остаточное тепло, но теперь оно могло только угасать, медленно превращаясь в холод.

— Ты думаешь, если убил их, никто уже не узнает тайну Цзян Чаньюаня? — Фу Линцзюнь поднял глаза на самодовольного человека в чёрном.

Тот на мгновение оцепенел.

Но тут же, словно ничего не услышал, снова расхохотался:

— Хочешь убить — убивай. Чего ещё болтать попусту!

Он и правда жаждал смерти.

Ведь только мёртвые способны хранить тайну вечно, в том числе и он сам.

Но Фу Линцзюнь не собирался дарить ему такую лёгкую смерть.

История с призрачными тенями в Цэньнани должна была разрастись как можно громче.

Если все похищенные мертвы, поднять шум будет уже непросто.

Разве что собственными руками устроить ещё одну резню.

Он чуть приподнял подбородок. Весь его облик был как кусок льда с вершины снежной горы, а голос, напротив, звучал очень мягко:

— Хорошо. Тогда я исполню твоё желание.

Чёрный туман, проникший в ещё тёплые тела, начал вытягивать из них серо-белые души и спутывать их между собой.

Одна. Две. Три...

И вскоре их стало так много, что они почти закрыли небо.

Стоило серо-белым душам коснуться чёрного тумана, как они сразу становились острыми и свирепыми. Ледяной воздух с ужасающей скоростью вырвался из пещеры наружу.

Он промчался над пустошью, поднимая жуткий ветер, закрутился спиралью и ударил в небо.

Звёзды исчезли.

Луна тоже скрылась в тучах.

Ночь в этот миг стала ещё гуще, будто вот-вот прольётся вязкими чернилами. Всё вокруг наполнилось неистовой жадой убийства и ненавистью.

Небо затопила чудовищная мрачная энергия. В чёрном небосводе вдруг всплыло огромное человеческое лицо. В пустых глазницах метались бесчисленные мстительные души, серо-белый цвет которых постепенно наливался кроваво-красным. Все они выли и рвались вперёд.

Это были люди, только что погибшие в пещере.

Людей с телосложением чистого инь злоумышленники могли использовать для самых разных мерзких дел. Но точно так же и их души после смерти куда легче обычного превращались в яростных призраков.

И теперь, под намеренным воздействием, всего за несколько вдохов эти души разрослись до ужасающего масштаба, способного потрясти все стороны света.

— Ха... — человек в чёрном покрылся холодным потом.

За спиной Фу Линцзюня клубился громадный злой дух. На одной руке он держал чистого, прекрасного юношу в белом. Ночной ветер растрепал волосы на лбу Фу Линцзюня, скрыв его глаза, уже слегка налитые красным.

Серо-белые мстительные души, уродливые и яростные, непрерывно метались вокруг Фу Линцзюня.

Будто приветствовали злого духа, вырвавшегося из самой преисподней.

И всё это совершенно не вязалось с послушной мягкостью того, кого он держал на руках.

— Ты злой дух! — голос человека в чёрном дрожал от страха и в то же время срывался на визг. Он ткнул пальцем в Фу Линцзюня. — Ты и их тоже превратил в злых духов!

А переведя дух, он будто вдруг осознал весь смысл происходящего:

— Я-то думал, ты пришёл спасать людей. А выходит, всё, что ты сейчас делаешь, разве хоть чем-то лучше того, что делаю я?

— Ради своей цели ты точно так же готов идти на всё!

Потом он посмотрел на Цзян Тана у него на руках и рассмеялся злобно, истерично:

— Думаешь, он хороший человек? Ха-ха-ха!

Использовать души мёртвых и превратить их в чудовище для резни и мести.

Использовать ни в чём не повинные души, чтобы выманить сюда святого Дао из Аньюаня и проверить, не заодно ли Хуай Шоусинь с Цзян Чаньюанем.

Лицо Фу Линцзюня после этих слов изменилось.

Он знал, что робкий и хрупкий юноша боится подобных зрелищ. В прошлый раз, когда он убил Сун Яня, маленький пушистик так перепугался, что у него встала дыбом вся шерсть.

Язык Фу Линцзюня упёрся в коренные зубы, чуть надавив.

А потом он протянул руку и закрыл Цзян Тану глаза.

— Не бойся, — сказал он.

Едва его ладонь накрыла глаза юноши, как маленькие руки мягко взяли за его кисть и медленно стянули её вниз.

Длинные ресницы скользнули по его ладони.

Цзян Тан моргнул и очень серьёзно произнёс:

— С тобой рядом не страшно.

Тех, кого убили, и правда жаль. Но если после смерти они даже не смогут отомстить, тогда их станет ещё жальче.

Останавливать убийство убийством. Платить ненавистью за ненависть.

<http://bllate.org/book/17032/1644685>